

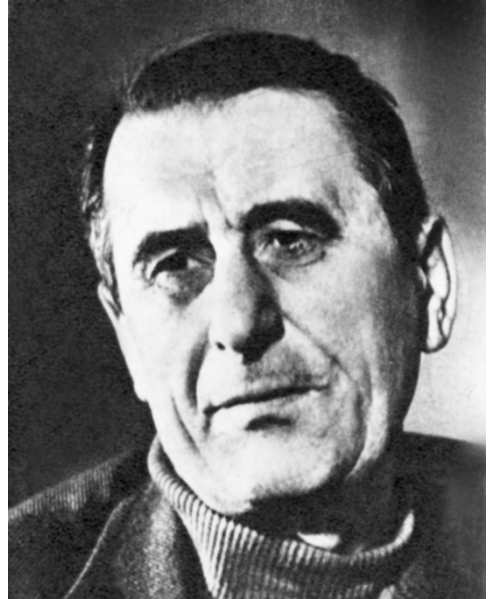
В течение следующего, 1980, в ж. «Знамя» были напечатаны рассказ «**День Победы в Чернове**», повести «**Борькины пути-дороги**» и «**Отпуск по ранению**». К. стал постоянным автором «Знамени» и «Дружбы народов». В 1980 он был принят в члены СП СССР, стал лауреатом премии Московского комсомола.

В одном из писем к своим читателям К. признавался: «Стал писателем для того, чтобы сказать то, что должен был сказать, без чего моя жизнь просто не имела бы смысла». И в первой опубликованной повести он написал, по словам К. Симонова, о человеке, который оказался «в самое трудное время в самом трудном месте и на самой трудной должности — солдатской». «Сашка» — повесть о войне рядового пехотинца — открыла новый ряд произведений о войне, написанных в 1980–90-е.

Все произведения К. в той или иной степени автобиографичны. В большей степени, очевидно, личный опыт автора, его биография лежат в основе повестей «Отпуск по ранению», «**Встречи на Сретенке**» и романа «**Красные ворота**», объединенных общим героем — лейтенантом Володькой. В первой из них он после короткой передышки в Москве возвращается воевать под Ржев. Вторая повесть и роман — книги о возвращении героя с войны, о трудности вхождения в будничную мирную жизнь.

Свои повести и рассказы К. написал о главном в жизни своего поколения. Вместе с героем одного из первых своих рассказов, который возвращается под Ржев спустя много лет, после войны, он размышляет: «Пройти по той земле — значит погрузиться в прошлое, пережить снова необычайно трудное, но великое. Да, пожалуй, великое, потому как было это преодолением себя ради главного...» Проза К., его «ржевский роман», по определению В. Астафьева, и стала таким погружением в прошлое, переживанием заново «своей» войны, оказавшись вместе с тем проживанием этой войны для его читателей.

К. как писатель-фронтовик, выступавший за подлинную правду о войне, с горечью отмечал, что его собратья по перу многое не сказали о «чрезмерной жестокости войны, жестокости своих... Мы не сказали о штрафных ротах и батальонах. Наша военная проза мало рассказала о неумении многих наших военачальников вести современную войну, о наших победах „любой ценой“, а за ценой наши начальники не стояли, о взятии городов или даже населенных пунктов — к праздникам... Умолчали о недостойном поведении не-

В. Л. Кондратьев

которой части наших солдат в Восточной Пруссии, об изнасилованиях, поджогах немецких ферм, о расстрелах гражданских лиц. Просто так, из мести... Умалчивали, потому что знали, что это все равно „вырежут“. Умолчали о безобразиях и пьянках в тылу, о принуждении к сожительству наших девочек, бросившихся в огонь войны с самыми чистыми и благородными чувствами — защищать Родину. А их потом, как правило, в постель...» (Лит. обозрение. 1990. № 5. С. 4).

Писатель покончил жизнь самоубийством во время тяжелой болезни.

Соч.: Сашка: повести и рассказы. М., 1981; Селижаровский тракт: повести и рассказы. М., 1985: Сороковые...: рассказы и повести. М., 1988.

Лит.: Лазарев Л. А мы с тобой, брат, из пехоты... // Новый мир. 1979. № 8; Лебедев А. Человек из-под Ржева // Новый мир. 1981. № 11; Коган А. О Вячеславе Кондратьеве и его переписке // Вопр. лит.-ры. 1995. № 1; Коган А. Сашка, Володька, Вячеслав. Судьбы героев и судьба автора. Из переписки Вячеслава Кондратьева с читателями // Лит. обозрение. 1995. № 2; Жемак В. Последний выстрел сержанта Кондратьева // Правда. 1994. 20, 21 сент.; Щеглов Ю. Жизнь и смерть Вячеслава Кондратьева // Лит. газ. 1995. № 44. 1 нояб.

О. И. Козлова

КОНЕЦКИЙ Виктор Викторович [6.6.1929, Ленинград — 30.3.2002, Петербург] — прозаик, киносценарист.

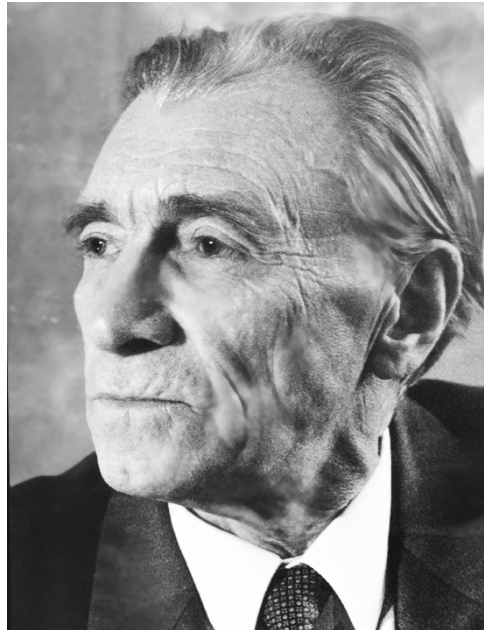
Родился в интеллигентной семье: отец — помощник прокурора Октябрьской железной дороги, мать — в молодости артистка миманса Мариинского театра оперы и балета, участница Русских сезонов труппы Дягилева, брат, Олег Викторович Базунов (1927–92), — искусствовед, писатель. До 1941 К. учился в средней школе, увлекался рисованием, мечтал стать художником, надолго сохранив пристрастие к живописи. В 1942 вместе с матерью и братом был вывезен из блокадного города по льду Ладожского озера, жил в эвакуации во Фрунзе и Омске. Зимой 1944 вернулся в Ленинград. В 1945 поступил в Ленинградское военно-морское подготовительное училище, в 1948 переведен в Первое Балтийское высшее военно-морское училище, где окончил штурманский ф-т в 1952. С 1952 по 1955 плавал на кораблях аварийно-спасательной службы Северного флота. После демобилизации в 1955 оставался профессиональным моряком и более 20 лет совмещал писательскую деятельность с периодическими рейсами, в основном в Арктику и Антарктику, на торговых, науч.-исследовательских и пассажирских судах в качестве штурмана и капитана.

Будучи военным курсантом, К. сдал экстерном экзамены за 1-й курс филол. ф-та ЛГУ. В 1955–58 (вместе с А. Володиным, В. Курочкиным, В. Пикулем, В. Голявкиным, Э. Шимом, Г. Горышиным и др.) занимался в литобъединении прозаиков при Ленинградском отделении изд-ва «Советский писатель» под руководством Л. Н. Рахманова. С 1956 печатался в альм. «Молодой Ленинград» и журналах. Первая публикация — рассказ «В утренних сумерках» (Звезда. 1956. № 5). Первый сб. рассказов «Сквозняк» издан в 1957 в Ленинградском отделении «Советского писателя».

К. принадлежит к лит. поколению, заявившему о себе во весь голос в пору либеральных надежд конца 1950-х. Его ранние рассказы (сб. «Сквозняк» и «Камни под водой», 1959) — о военном детстве («Капитан, улынитесь!», «Петька, Джек и мальчишки»), о моряках-спасателях в Арктике («Путь к причалу»), о верной курсантской дружбе и юношеской любви («Заиндевшие провода», «Если позовет товарищ») — повторяют эпизоды драматической биографии автора. Блокадный опыт выживания и голодные мытарства научили героев К. уменью постоять за себя, духовный скепсис они компенсируют волевыми поступками и обостренным чувством взаимопомощи («Завтрашние заботы», 1961;

«Повесть о радисте Камушкине», 1962). Однако романтический флер, склонность героев К. к рефлексии и преклонение молодого писателя перед Э. Хемингуэем были с раздражением восприняты критикой, усомнившейся в нравственной состоятельности и худож. достоверности «полярных капитанов» К. Во «внежанровом» повествовании «Кто смотрит на облака» (1967) — цикле из 10 новелл, близком по своей сверхзадаче к роману, — писатель вышел за пределы современности, расширил исторический диапазон событий, разнообразил круг персонажей, но лирическое начало и здесь превалировало над действием и сюжетом.

В книге «Соленый лед» (главы публиковались в журналах: Знамя. 1965. № 9 и 1968. № 7; Звезда. 1968. № 5; отд. изд. — Л., 1969) К. обратился к путевой лирической прозе, вбирающей воспоминания, исторические экскурсы, дорожные впечатления, публицистику и худож. зарисовки. Стремясь к предельному самовыражению, он принципиально отказался от вымышленных героев, маскирующих писательское «я», отдав предпочтение рассказчику, дублеру автора, и настаивая на том, что его морские плаванья — не материал для сочинительства, но тяжкая профессиональная работа. Ретроспективный взгляд в прошлое подверг очередной ревизии биографию писателя и его поколения, раздвинув духовные горизонты и позволив запе-

В. В. Конецкий

чатлеть живой процесс «отслаивания истории» от современности на срезе индивидуального опыта. В этом откровенно полемическом жанре, где так существенен документ и свидетельская правда участника происходящего, написаны книги **«Среди мифов и рифов»** (1972) и **«Морские сны»** (1975). Вслед за «Соленым льдом» они стали частями обширного «романа-странствия» **«За доброй надеждой»** (1977). Менялись маршруты, действие из Арктики перемещалось в Индийский океан, от берегов Канады в Южную Америку, менялись корабли, команды, специфика работы, но фигура рассказчика неизменно определяла собой внутреннюю цельность трилогии. В русской литературе 1970-х трудно найти аналог этому оригинальному произведению, где зыбкое постоянство движения в пространстве и во времени ощущается как естественное состояние обеспокоенной человеческой души.

Отвергая беллетристические ухищрения, иронизируя над собственной былой романтикой и Э. Хемингуэем, К. в трилогии, а также в повестях **«Путевые портреты с морским пейзажем»** (Звезда. 1976. № 3), **«Последний день в Антверпене»** (Звезда. 1977. № 1), рассказах **«Начало конца комедии»** (Аврора. 1976. № 8), **«Елпидифор Пескарев»** (Дружба народов. 1977. № 2) все охотнее опирался на юмор как «единственное средство против перепутанности и сложности мира». Бесхитрое добродушие любимого персонажа К., неунывающего Петра Ниточкина, устами которого поведано бесчисленное множество смешных и грустных «морских баек» (См.: «Глава пятая, год 1959. Ниточкин» в книге «Кто смотрит на облака»; **«Из рассказов старого друга»**, 1987; «Начало конца комедии», 1976, и др.), постепенно уступало место глубокому сарказму и в повести **«Вчерашние заботы»** (1979) сменилось жесткой сатирой, с подчеркнутой оглядкой на Салтыкова-Щедрина.

В прозе К. 1980-х рассказчик окончательно отождествляется с автором, выступающим уже безо всяких масок и декораций. В сб. **«Третий лишний»** (1983), **«Ледовые брызги»** (1987), **«Некоторым образа драма»** (1989), — с подзаголовками «из дневников писателя», «непутевые заметки, письма» — К. делится воспоминаниями о В. Шкловском, Ю. Казакове, В. Курочкине, о парижских встречах с В. Некрасовым, запальчиво, с нелицеприятными самооценками рассказывает о лит. обстановке 1950–60-х, о В. Аксенове и Е. Евтушенко.

В 1990-х проза К. оказалась по-новому актуальна и созвучна общественным настроениям. «Умаление беллетристики» (С. Боровиков) в пользу документальной правды, ершистый взгляд на события «перестройки», способность героев К. «существовать без сказки» (Д. Рогинский), трезвая оценка происходящих на флоте потрясений — все это импонировало читателю. Книги К. на фоне заката советской лит-ры были активно востребованы, ибо он всегда писал «о жизни, которая корежит все наши убеждения и насмеяется над самыми прекрасными теориями. Не говоря уж об идеологических догмах» (Звезда. 2002. № 5).

С первых лит. шагов К. проявлял пристальный интерес к кино. Два сценария (в соавторстве с Э. Шимом), напечатанные в альм. «Молодой Ленинград», — **«Своими руками»** (1957) и **«Опора»** (1958) — поставлены не были. Широкую популярность заслужил фильм **«Полосатый рейс»** (1961), снятый по сценарию К. и А. Каплера реж. В. Фетинным на «Ленфильме». Реж. Г. Данелия экранизировал «Путь к причалу» (1962) и поставил на «Мосфильме» кинокомедию **«Тридцать три»** (1965). На «Ленфильме» в 1963 осуществлена экранизация «Завтрашних забот» (сценарий Б. Метальникова, реж. Б. Метальников и Г. Аронов) и рассказа «Если позовет товарищ» (сценарий Б. Чирскова, реж. Александр Иванов).

До конца своих дней К. сохранял тесные связи с людьми моря и неслучайно был почетным председателем общественного совета «300 лет Российскому флоту». По справедливому замечанию А. Битова, «он приравнял звание писателя к капитанскому, со всем антуражем еще дворянского офицерского кодекса», и похоронили К. как морского офицера — с воинскими почестями, на Смоленском кладбище С.-Петербурга.

Соч.: СС: в 7 т. СПб., 2001–02. Доп. том. 2003; Если позовет товарищ: рассказы. Л., 1961; Луна днем: Повесть и рассказы разных лет. Л., 1963; Над белым перекрестком: Повести и рассказы. Л., 1966; Повести и рассказы / послесл. И. Кузьмичева. Л., 1970; Соленый хлеб: избранное / предисл. Д. Гранина. Л., 1979; Рассказы и повести разных лет / послесл. Е. Сидорова. 1988; Никто пути пройденного у нас не отберет / послесл. Л. Аннинского. М., 1989; Полосатый рейс: Повесть, рассказы, сценарий. СПб., 1994; Кляксы на старых промокашках. СПб., 1997; Эхо: Вокруг и около писем читателей. СПб., 2001; Последний рейс: Повести, эссе. М., 2001.

Лит.: Бабенышева С. Полярные капитаны Виктора Конечкого // Лит. газ. 1961. 2 марта; Ермонский А. Когда философия идет ко дну // Октябрь. 1961. № 5; Лак-

шин В. Робкие мужчины // Новый мир. 1961. № 8; Кудрова И. Возможности формы // Звезда. 1966. № 2; Гитович И. Пока в человеке есть достоинство // Новый мир. 1969. № 3; Золотусский И. Подводя итоги // Золотусский И. Тепло добра. М., 1970; Евтушенко Е. Прекрасная тайна товарища // Лит. Россия. 1976. 21 мая; Банк Н. Польза суровости // Лит. обозрение. 1976. № 2; Урбан А. Диалог с примесью соли // Звезда. 1979. № 7; Файнберг Р. Виктор Конецкий: Очерк творчества. Л., 1980; Шик Э. Память и ответственность художника // Сибирские огни. 1987. № 2; Кузьмичев И. Польза географии для искусства жизни // Кузьмичев И. Мечтатели и странники: Лит. портреты. Л., 1992; Боровиков С. Умаление беллетристики // Книжное обозрение. 2001. 12 марта; Памяти Виктора Конецкого // Звезда. 2002. № 5.

И. С. Кузьмичев

КОНОВАЛОВ Григорий Иванович [18.9 (1.10).1908, д. Боголюбовка Самарской губ. (ныне Оренбургской обл.) — 19.4.1987, Саратов] — прозаик, публицист.

Родился в бедной крестьянской семье. Отец — участник Первой мировой войны, затем командир революционного отряда. Писатель осиротел в голодном 1921, батрачил, был пастухом, слесарем в совхозной мастерской. В 1928 в Перми поступил на рабфак,

Г. И. Коновалов

по окончании которого сначала стал студентом Пермского пединститута, далее последовательно сначала студентом Ин-та красной профессуры в Москве и потом аспирантом МИФЛИ.

С 1940 до военной службы на Тихоокеанском флоте К. преподавал в Ульяновском пединституте. Сюда же он вернулся после увольнения в запас в чине капитана 3-го ранга.

Профессиональным литератором К. становится только в 1957, хотя первый его очерк в бузулукской районной газ. «Землероб» был опубликован еще в 1927, а к началу 1930-х К. было написано уже более десятка статей и рассказов. Самый яркий из них — рассказ «**Тетка Матрена**» (1940). Героиня рассказа — деревенская знахарка — во многом предвосхитила галерею знаменитых распутинских старух, завораживающий характер знаменитой тезки, созданный А. Солженицыным.

Уже в первых произведениях отчетливо проявилась тяга молодого прозаика к философскому осмыслению бытия, которая полностью была реализована в 1930-е же задуманном романе «**Университет**» (закончен и опубликован в 1947). «Университет» рассказал о жизни советского вуза, привлек внимание многочисленных читателей к актуальной тогда проблеме космополитизма.

Роман «**Степной маяк**» (1949) был посвящен производственной теме. Критика не приняла его за крайний схематизм и иллюстративность, за недопустимую одномерность главного героя — агронома Андрея Пылаева. В 1955 К. издал переработанный вариант романа, который также не получил признания.

Попыткой эстетического отрицания неудавшегося романа воспринималась повесть К. «**Вчера**», худож. открытия которой были успешно закреплены в самом известном произведении писателя — диалогии «**Истоки**» (1959–67). Этот роман был отмечен Гос. премией РСФСР им. Горького (1969) и Первой премией по итогам Всесоюзного конкурса на лучшую книгу о рабочем классе. Критика относилась к произведению то к семейно-бытовому, то к хроникальным романам-эпопеям. Возможность первого толкования определялась тем, что в центре исторически широкомасштабного повествования оказалась история семьи Крупновых — славной династии потомственных волгарей, ведущая свой род от сподвижников Степана Разина. В саду Крупновых символично зеленела вековая ветла, посаженная, по преданию, кормчим великого атамана Модестом Крупновым, бежавшим на Волгу после поражения. Глава се-